

**ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ
МИСЮГИН
(1923/1924–1998)**

**VIACHESLAV MIKHAILOVICH
MISIUGIN
(1923/1924–1998)**

Многие поколения петербургских востоковедов и филологов помнят эту бросающуюся в глаза фигуру, шествующую по коридорам ЛГУ: немолодой человек, высокий, сутулый, заметно прихрамывающий, с пронзительным взглядом из-под кустистых бровей, одетый в любое время года в легкую штормовку, в черные брюки неопределенного покроя и с неизменной папиросой в зубах (благо ограничения на курение в здании факультета стали вводить лишь перед самым его выходом на пенсию)... Для одних этот человек был загадочным, внушавшим уважение, если не сказать — легкий трепет. Для других, наверное — комическим персонажем, выпадавшим из круга и уважаемой профессуры, и беззаботного студенчества — но при этом ставшим за многие годы неотъемлемой частью факультета. А для нас он был Учителем, неформальным научным лидером ленинградской африканистики.

Как у эпических героев, изучению судеб которых Вячеслав Михай-

Many generations of Orientalists in St. Petersburg may remember the type walking through the halls of the Oriental Department of Leningrad State University, who always attracted everybody's attention. A tall, stooping, visibly limping oldish man with a penetrating gaze from under his bushy eyebrows, wearing a perennial waterproof jacket and black trousers of an uncertain style, always with a cigarette between his teeth (restrictions on smoking in the university building had been introduced not long before he retired)... Many people perceived in this man a mystery that inspired esteem, next to awe. For some other people he may have been a comic character who fitted neither the respectable circle of university professors, nor that of carefree students, just an integral part of the Oriental Department. And for us, he was a Teacher and an informal leader of the Africanists in Leningrad.

Just like the births of epic heroes, whose destinies were paid so much attention by Viacheslav Misiugin, his own birth is connected to a mystery.

лович посвятил столько лет своей жизни, его рождение таит себе некую загадку. По документам, В.М. Мисюгин родился в деревне Слабцово Зубцовского района Тверской губернии 19 октября 1924 г. Однако сам он говорил, что настоящая дата его рождения — 10 сентября 1923 г., а в метрике неправильная дата попала в силу каких-то обстоятельств, проследить которые сейчас уже не представляется возможным. Так что конфликт с официальным миром, где царят точные даты и документы с печатями, начался у него с самого рождения¹.

Не лишена экзотики и родословная Вячеслава Михайловича. Он любил рассказывать, что его бабушкой была алеутка с Аляски, а в Тверскую губернию ее вывез его дед. Полумифическая алеутская бабушка давала Мисюгину повод для шуточного обоснования своей манеры писать научные статьи без ссылок и указаний источников: мол, его знания об архаическом обществе берутся из генетической памяти. Впрочем, как известно, в каждой шутке есть доля шутки.

Когда В.И. Мисюгин был подростком, его семья переехала в Ленинград. Война застала его девятиклассником. Осенью 1941 г. вместе с другими старшеклассниками он был

According to the documents, he was born on October 19, 1924 in the Slabtsovo village of the Zubtsov district, the province of Tver. However, according to himself, his true date of birth is September 10, 1923. What is the reason for which the wrong date appeared in the certificate of birth? — we can hardly find the answer. Whatever it may be, it is clear that his conflict with the world of officialdom, where exact dates and official stamps govern, began from his very birth.¹

Viacheslav Misiugin's genealogy is not devoid of exotics either. He told us many times that his grandmother was an Aleut from Alaska brought to the Tver Province by his grandfather. The semi-mythical Aleut grandmother provided him a ground for a jocular argument in favor of his manner of writing scholarly papers without references or indications of sources: he used to say that his knowledge of the archaic society stemmed from his "genetic memory". Many a true word is spoken in jest...

When Viacheslav was a teen-ager, his family moved to Leningrad. In 1941, when the Big War came to Russia in June 1941, he was in high school. In the autumn of 1941, together with other senior high school students, he was sent to remote suburbs of Leningrad to build fortifications. The front-

¹ Замечу между строк, что произвольная дата рождения в метриках — верный признак того, что человек родился в традиционном обществе, в мире архаики. У очень многих наших информантов в Кот-д'Ивуаре официальным «днем рождения» оказывается 1 января, а в Гвинее почему-то — 31 декабря.

¹ An arbitrary date of birth in the certificate of birth seems to be a good indicator of the person's origin in the "world of the archaic". Among our language assistants in Côte-d'Ivoire, many have January, 1 as their official date of birth. For some reason, in Guinea it is rather December, 31.

отправлен на строительство оборонительных сооружений. В прифронтной неразберихе их отряд был брошен на произвол судьбы и попал под обстрел. Воспоминанием об этом на всю жизнь осталась искалеченная правая нога... Но Мисюгин пережил и этот обстрел, и две блокадные зимы. В 1943 г. его семью эвакуировали в Миасский район Курганской области, и в том же году он закончил Лебяжьевскую среднюю школу при Южноуральской железной дороге. Сразу после окончания десятилетки, в 1944–1945 гг., ему довелось в этой же школе преподавать физику, естествознание и астрономию. В 1946 г. семья вернулась в родную коммуналку на Суворовском проспекте.

Тогда же, в 1946 г., Вячеслав Михайлович поступил на кафедру африканистики Восточного факультета, созданную годом раньше. В ту пору все студенты кафедры изучали и суахили, и хауса, и амхарский языки — такая широта подготовки отчасти компенсировала отсутствие живой языковой среды, ведь поездки африканистов в Африку в то время были крайне редки. Вместо полевой работы африканисты могли заниматься «глубинным погружением» в доступные письменные источники и их интерпретацией. В качестве компенсаторной реакции Мисюгин выработал ироничное отношение к тем, кому довелось путешествовать по Африке, но чей взгляд лишь скользнул по чужой реальности, не увидев ее корней, не разглядев ее движущих сил — таких незадачливых путеше-

line was approaching swiftly, and, in the mess of a retreat, their team was left to the mercy of fate and bombshells. The bombshelling left him as a reminder a crippled right leg. Fortunately, Viacheslav Misiugin survived not only the bombshelling, but also two horrible Leningrad Siege winters. In 1943 his family was evacuated to the Miass district of the Kurgan region. The same year he graduated from the Lebiazhievo high school belonging to the South Ural Railway. Immediately after that he graduated from the high school; in 1944-45, he taught physics, natural sciences, and astronomy at the same school.

In 1946, the family returned to the home communal flat at the Suvorovsky Avenue in Leningrad. The same year, Viacheslav Misiugin came up to the African Chair of the Oriental Department at Leningrad State University. It should be said that the Chair had been founded only one year before that. At that time, all the students of the Chair were taught three major African languages at once: Swahili, Hausa and Amhara. Such a broad approach was a partial compensation of the missing live contact with the native speakers of the languages: for the Africanists, trips to Africa were extremely rare. Instead of field work, the Africanists were free to excel in delving into available written sources. As a kind of sublimation, Viacheslav Misiugin used to treat ironically those people who had a chance to travel through Africa but failed to perceive the true nature of the strange life and its moving forces. He referred to them as pervoproxodtsy,

ственников он насмешливо именовал «первопроходцами».

Закончив востфак в 1951 г., Мисюгин пошел работать на инструментальный завод слесарем по сборке мерильных инструментов, затем перешел на судостроительный завод, где работал шлифовальщиком инструментальщиком (на этом же заводе работал инженером и его отец, Михаил Сергеевич Мисюгин). Надо было на что-то жить, а получить работу по специальности казалось невероятным... Но эти годы не стали для него потерянными: от станка он принес в африканистику (наверное, уникальный случай!) слесарные аналогии. Чего стоит хотя бы разработанная В.М. Мисюгиным классификация студентов!

По Мисюгину, в отношении к занятиям наукой все студенты делятся на три категории: «шарики», «кубики» и «пластинки». Если студент — «шарик», то ему достаточно одного толчка, а дальше он уже катится сам. Если это «кубик», то даже если его сильно толкнуть, далеко он не укатится. Потом можно его толкнуть еще раз, и он опять прокатится какое-то расстояние — очевидно лишь, что двигаться вперед он может только в режиме постоянного внешнего подталкивания. Ну а «пластинка» и на это не способна: ее хоть толкай, хоть пинай — она только перевернется и останется лежать на месте...

Еще во время своей работы на заводе Мисюгин своими руками построил дом в Мартышкино, недалеко от Финского залива — теперь

‘pathfinders’, and from his mouth, this epithet did not sound very positively.

After he graduated from the Oriental Department in 1951, Viacheslav Misiugin worked at the instrument manufacturing plant, on a measuring tools assembly line. A couple of months later, he found another job, that of a tool polisher at a shipyard (his father, Mikhail Sergeevich Misiugin, was an engineer at the same shipyard). One had to make a living, and it seemed next to impossible to find a job as an Africanist... However, it would be wrong to think that the years spent at the plant were lost for Viacheslav. Among other things, he brought some metalworker analogies into African studies. I’ll mention here as an example his classification of students in relation to their motivation.

According to Misiugin, students can be subdivided into balls, blocks and plates. For a “ball student”, one single push is enough to put him or her into movement. A “block student”, even if given a strong push, will not roll too far before stopping; to keep such a student moving, one needs to push him or her regularly. As for the “plate student”, any effort is of no use: at best, a plate can turn over, but it won’t roll...

When he was a worker at the plant, Misiugin built with his hands a house in Martyshkino, near the shore of the Gulf of Finland. Today, there are buildings of several faculties of St. Petersburg State University in the vicinity of Martyshkino, but at that time, they were not there. He lived in that house the rest of his life, excelling in boat-building and sailing his boats over the

рядом с Мартышкино располагаются корпуса и общежития нескольких факультетов СПбГУ, но тогда ничего этого не было. Там он и прожил всю остальную жизнь, строя своими руками суда, на которых выходил на залив. Этот опыт — не только мореплавания, но и судостроительства — отразился и в научном творчестве Вячеслава Михайловича: его кандидатская диссертация была в очень значительной мере посвящена мореплаванию на Индийском океане; его мысли по поводу мореплавания отражены и в этой книге.

В том, что В.М. Мисюгин в 1954 г. попал в аспирантуру Восточного факультета, большая заслуга Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, ведь разглядеть в этом несколько странном, диковатом и нелюдимом выпускнике востфака, слесаре с судостроительного завода будущего столпа питерской африканистики вряд ли было просто. Вскоре Мисюгин стал преподавать на кафедре язык суахили, а также весь комплекс общественных и исторических дисциплин. Таким образом, через его руки прошли все, кто учился на всех отделениях кафедры африканистики¹. На кафедре, в течение десятилетий возглавлявшейся Д.А. Ольдерогге, Вячеслав Михайлович сформиро-

¹ В 1960-е годы вместо одного «общего» отделения на кафедре были созданы отделения эфиопистики (амхарский, геэз), языков банту (суахили, луганда) и Западной Африки (хауса, манинка, бамана); позднее отделение Западной Африки разделили на хаусанское и манде (манинка, бамана).

Gulf. His boatbuilding and sailing experience was reflected in his research work: his doctoral thesis dealt very much with sailing in the Indian Ocean, and many of his ideas concerning organization of sailing, its evolution and importance are represented in the current book.

The fact that Viacheslav Misiugin returned to the Oriental Department for his postgraduate studies at the end of 1954 is very much to the credit of Dmitry Olderoegge¹, who was for many years the organizer and the leader of African studies in Leningrad. It might have not been easy at all to perceive a future brilliant scholar in an unsociable, strange and sullen student turned metal-worker. After a little while, Misiugin began teaching Swahili language and an entire set of social and historical disciplines. It would not be wrong to say that he taught all the students of the Chair of African Studies, whatever their specialization was.² Misiugin's evolution into a scholar and a Teacher took place at the African Department, headed for decades by Dmitry Olderoegge.

The relationship between Misiugin and Olderoegge is a special big topic. It

¹ During the Soviet time, the number of postgraduate positions was very limited. It was up to the staff of the Chair and the Department to decide whom to invite to such position; as a rule, the chosen person joyfully accepted the invitation.

² In the 1960s, one single specialization was split into three ones: Bantu languages (Swahili, Luganda), Ethiopia (Amhara, Ge'ez), West Africa (Hausa, Maninka, Bamana). Later on, West African specialization was subdivided into Manding and Hausa ones.

вался и как преподаватель, и как ученый.

Отношения между Мисюгиным и Ольдерогге — отдельная большая тема. Можно сказать, они были антиподами буквально во всем. Ольдерогге — всегда по-профессорски безупречно одетый выходец из дворянской семьи с лифляндскими корнями, воспитанник Кадетского корпуса, ученик виднейших европейских африканистов, повидавший Африку, член-корреспондент Академии наук СССР, многолетний заведующий кафедрой африканистики на востфаке и сектора Африки в Институте этнографии, председатель или член многочисленных редколлегий и ученых советов, человек, ориентированный на утонченную европейскую культуру и достижения западной науки. Мисюгин — кряжистый, нескладный, всегда одинаково мешковато одетый¹ сын крестьянина, пусть и с загадочными алеутскими корнями, воспитанник довоенной ленинградской улицы, никогда не бывавший ни в Европе, ни в Африке, не состоявший ни в редколлегиях, ни в каких иных научных советах и организациях, защитивший кандидатскую диссертацию в сорок пять лет и

won't be an exaggeration to say that they were opposites in everything.

Olderogge, with an appearance of a true university professor, impeccably dressed, a man from a noble family with Lifland roots, a graduate of the Military School in the Imperial Petrograd, then a student of prominent European scholars... He visited Africa, he was a Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, the head of the Chair of African Studies at the Oriental Department of Leningrad State University and, at the same time, the head of the African Department at the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences; chairman or member of numerous editorial boards and scholarly councils, a scholar oriented toward the refined European culture and the achievements of Western scholarship.

Misiugin, a sturdy and clumsy person in baggy clothes,¹ a son of a farmer with mysterious Alaskan roots. He grew up in the streets of the pre-war Leningrad, he never went to Europe, nor to Africa; he was not a member of any editorial board, scientific counsel or scholarly association; he defended his "candidatskaya dissertatsiya" (the lower doctoral grade in the USSR and in Russia) at 45 years old, and remained

¹ Говорят, его видели в костюме и при галстукe только один раз — на защите кандидатской диссертации в 1969 г., которая проходила в Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне — МАЭ РАН). При этом, по свидетельству очевидцев, было очень заметно, что чувствует он себя в этом наряде крайне неуютно.

¹ People say to have seen him in a business-suit and necktie only once, at the defense of his doctoral thesis that took place in 1969 at the Leningrad Branch of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR (today's Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences). According to eye-witnesses, he looked visibly uncomfortable in the suit.

избранный на должность доцента чуть не в пятьдесят лет, с большим недоверием относившийся и к западной науке, и к истеблишменту во всех его ипостасях... С недоверием, переходящим в злую иронию, смотрел Вячеслав Михайлович и на Ольдерогге, считая его представителем той самой современной науки, которой так достается в этой книге за ее, в глазах Вячеслава Михайловича, поверхностность, кабинетность и отягченность всевозможными предрассудками.

Мне довелось застать это недекларируемое, но совершенно очевидное для всех соперничество двух лидеров — признанного всеми и признанного лишь немногими, а точнее, десятком учеников, — в котором, как мне тогда казалось, перевес был, вне всяких сомнений, на стороне Мисюгина. Лишь позднее, оглядываясь назад, я стал понимать, что баланс сил был не таким уж бесспорным: уступая в глубине и оригинальности научного подхода, Ольдерогге выигрывал во многом другом. И в расцвете ленинградской африканистики 1970–1980-х годов это соперничество сыграло немалую роль — соперничество негласное, ведь они существовали фактически в разных измерениях. При том что огромную часть своего времени Вячеслав Михайлович, как древнегреческий философ, проводил в жарких научных дискуссиях с самыми разными людьми, я не могу вспомнить ни одного его прямого спора с Ольдерогге. И это не потому, что он таких споров избегал: поп-

an assistant lecturer till he was almost fifty years old (when he was elected an assistant professor); he was always skeptical about the modern scholarship, and always distrustful toward the establishment and officialdom... His attitude toward Olderogge was that of suspicion, next to a wicked irony: for Misiugin, Olderogge was a representative of the very scholarship which is so much blamed in the current book for its superficiality, its book-learning nature, its narrow-mindedness...

Among other Africanists of the younger generation, I observed this hidden (but utterly evident for everybody) rivalry between the two leaders, one of whom enjoyed general recognition, the other was recognized by a handful of his disciples. And I had no doubts that the outcome of this rivalry was to Misiugin's advantage. Many years later, looking back, I began to understand that the balance of forces was not so self-evident: it is true that Misiugin was by far more original as a thinker, that he had no match in the deepness of his insight, — however, Olderogge had an upper hand in some other respects... This rivalry never manifested itself openly, for the simple reason that they existed, so to say, in different dimensions. As an ancient Greek philosopher, Viacheslav Misiugin spent an enormous part of his life in animated discussions with all sorts of people. However, I cannot remember a single open discussion between Misiugin and Olderogge. I don't think that he intentionally avoided such discussions, the reason is elsewhere: how can one have a discussion with a person

росту говоря, как можно спорить с человеком, с которым ты живешь в разных измерениях? И все же, возмущению на себя смелость предполагать, что это молчаливое соперничество оказалось для нашей африканистики весьма плодотворным.

К концу этого периода все более заметным становилось присутствие и третьего лидера, Николая Михайловича Гиренко. Вот что пишет Сефир Борисович Чернецов о влиянии Мисюгина на Гиренко (да и не только на Гиренко):

«...В секторе его ожидал еще один бесценный дар — общение с таким глубоким знатоком Африки и оригинальнейшим мыслителем, как Вячеслав Михайлович Мисюгин, который формально не был ни членом сектора, ни сотрудником института, но приходил к нам чуть ли не ежедневно. <...> Мисюгин бывал в секторе часто, и для выпускников кафедры африканистики настоящее знакомство с ним происходило именно там. Почему Мисюгин приходил в сектор, теперь точно не скажет никто. Видимо, была у него потребность поделиться своими удивительными идеями, отточить их в спорах, словом — в научном общении, для которого на факультете и места-то нет: буфет всегда переполнен, там не засидишься, а на кафедре постоянно идут занятия. Сказать, что общение с Мисюгиным в секторе было для нас полезным, значит сказать лишь сотую часть правды. Мы приходили в сектор, не умея ни говорить, ни писать, ни подкреплять свои идеи

with whom one lives in different dimensions? However it may be, I dare say that this latent rivalry between two leaders had a very positive effect on the flourishing of the African Studies in Leningrad in 1970-80s, it was, so to say, its hidden engine.

By the end of that period, the presence of a third leader, Nikolay Girenko, grew more and more visible. Here is what Sevir Chernetsov wrote about Misiugin's influence on Girenko (and not only Girenko):

“In the African Department of the Institute of Ethnography, he (Girenko) had a great chance to communicate with such a connoisseur of Africa and a most original thinker as Viacheslav Misiugin, who had no position in the Institute, but came to see us almost every day... Misiugin used to come to the Department often, and it is there that the graduates of the African Chair became acquainted with him properly. It is difficult to say why Misiugin would come to the Department. It seems that he felt a need to share his paradoxical ideas, to polish them in discussions, that is, he was hungry for a scholarly communication. And at the University, there was no place for such communication: the lunchroom would be always overcrowded, the Chair would be permanently occupied with classes... To say that communication with Misiugin in the African Department was useful to us is to say one percent of the truth. We came to the Department as a kind of oafs, we did not know how to speak and how to write, we were unable to fortify our ideas with anything else but our pas-

чем-то еще, кроме собственной страстной убежденности. И для нас ежедневное обсуждение за чашкой кофе в знаменитой «Академичке» всего того, что придет в голову, стало хорошей школой. Совершенно незаметно Мисюгин уводил нас от пропаганды идей к их обоснованию, учил исходить прежде всего из материала, который сам знал великолепно и излагал увлекательно. Потом он перешел к столь же придирчивому чтению и обсуждению первых наших статей, где наша мысль текла свободно до полной невразумительности. Обладая огромными знаниями и практическим опытом (вплоть до плавки железа и строительства лодок и катамаранов), Мисюгин ощущал мир и его историю интуитивно, почти физически. Систематический же Гиренко желал «поверить алгеброй гармонию» своего учителя» [Чернецов 2004: 377].

Но годы брали свое, и, несмотря на страсть к научным спорам за чашкой кофе в «Академичке» или в клубах папиросного дыма в закутке у 22-го кабинета в Кунсткамере, ездить из Мартышкино на Стрелку Васильевского острова становилось все труднее. Ближе к середине 1980-х годов Вячеслав Михайлович стал проситься на пенсию, и, несмотря на уговоры коллег, в 1986 г. удалился на покой, от чего кафедра долго не могла в полной мере оправиться. Здесь он и прожил «мартышкинским затворником» до самой своей смерти, с женой, Раисой Григорьев-

sionate conviction. For us, everyday discussions, while drinking a cup of coffee in the famous “Academic dining-room”, concerning everything that came to our minds, was very good schooling. In quite an inconspicuous way, Misiugin took us away from propaganda of ideas to their substantiation. He taught us to proceed from the solid data; knowledge and presentation of the data was always his strong side. Later on, he proceeded to a critical reading and discussion of our first articles, articles where our thought flew freely, and this freedom was often next to unintelligibility. Misiugin, who had enormous knowledge and practical experience (even in ironwork and building of boats and catamarans), perceived the world and its history at the level of intuition, he almost felt it physically. To the contrary, the methodical Girenko wished to check his teacher’s harmony with algebra” [Chernetsov 2004: 377].

But one has to act one’s age. However strong might have been his passion for the scholarly discussions in Academic dining-room or in the tobacco smoke-ridden corridors of the Institute of Ethnography, it grew more and more difficult for him to travel from Martyshkino to Vassilievsky Island. By the mid-1980s, Viacheslav Misiugin spoke more and more often about retirement, and in 1986 he yielded to no persuasion of his colleagues and retired, which was a hard blow for the Chair that could not be mended for many years. Till his death, he lived as a “hermit of Martyshkino” with his wife Raisa Grigorievna Kholeva and his daughter

ной Холевой, и дочкой Марианной¹, лишь изредка навещаемый коллегами и учениками — все-таки для горожан поездка в Мартышкино представлялась таким непростым путешествием, к которому не всякий был готов, при всем уважении к Учителю. Сам он ни на кафедре, ни в Кунсткамере с тех пор фактически не появлялся.

Уходя на пенсию, В.М. Мисюгин надеялся посвятить все время, вывободившееся от поездок в университет, исполнению своих многочисленных творческих научных замыслов. И, действительно, писать он не перестал. Однако приходится признать, что это было в лучшем случае «дописыванием» тех мыслей, которые были высказаны и отточены в «академических дискуссиях» (за чашкой кофе в столовой «Академическая»), в худшем — повтором того, что уже было написано в прежние годы, с непринципиальными дополнениями и изменениями. Мисюгину явно не хватало дискуссионной среды кафедры африканистики и сектора Африки — надо сказать, что с его уходом на пенсию и сама эта среда стала быстро «выветриваться», постепенно сходя на нет...²

Пользуясь тем обстоятельством, что этой книге предпосланы еще два предисловия, написанные известными африканистами, учениками (и

Marianna.¹ Only rarely he was visited by his colleagues and disciples: to city dwellers, a trip to Martyshkino seemed to be a true voyage, and there were not many who were ready for it, whatever might have been their esteem for the Teacher. As for himself, he stopped coming to the Chair or to the Institute altogether.

Upon retiring, Misiugin cherished the idea of profiting from the time released from the burden of frequent trips to the University, for the realization of his enormous creative plans. It is true, he did not abandon writing. However, we should recognize that it was, at best, the “writing down” of the thoughts which had been formulated and polished in the discussions with his colleagues and disciples while drinking endless cups of coffee at the University or in the Academic dining-room; in yet other cases, it was a repetition of what had been already written during the previous years, with some minor modifications. It is clear that he missed very much the debating society of the Chair of African Studies and the Department of Africa, — but it is also true that after his retirement that milieu began to erode, and little by little it came to nothing...²

This volume has two other prefaces written by eminent Africanists, disciples (and, at the same time, opponents) of Viacheslav Misiugin. For this rea-

¹ Старшие дети Вячеслава Михайловича к этому времени уже давно жили отдельно.

² Впрочем, помимо ухода Мисюгина на то было и много других причин — но это уже другой разговор.

¹ By that time, his older children lived separately.

² Sure, the retirement of Viacheslav Misiugin was not the only ground for this, but this is quite a different story.

одновременно оппонентами) Вячеслава Михайловича Мисюгина, я воздержусь от оценок и интерпретаций его научного вклада и научного метода — скажу только, что мне ближе взгляд Николая Михайловича Гиренко, хотя я во многом разделяю и эмоциональную оценку Учителя Владимиром Романовичем Арсеньевым. Ясно, что мисюгинский метод, который я бы назвал «методом этноисторической интроспекции», а других своих аспектах — «экспериментальной этноисторией», вряд ли сможет удачно применить кто-то другой, не подвергаясь серьезному риску превратиться в адепта «культы карго» от науки.

Осознавая тот факт, что В.М. Мисюгин был в первую очередь ученым устного жанра — его влияние распространялось в значительно большей мере через лекции и неформальные научные споры, чем через публикации, — неправильным было бы считать, что оно ограничивается лишь кругом его непосредственных учеников. Хотя его статьи и публиковались в малотиражных изданиях, а единственная книга, изданная до настоящего момента благодаря энергии В.Р. Арсеньева, также имела тираж всего 500 экземпляров, его идеи получили определенную известность и среди не-африканистов (см., в частности, работы А.В. Коптева и И.Н. Фалалеевой [Коптев 1998; Фалалеева 2003]).

Предлагаемая читателю книга — яркий образец «позднего Мисюгина». Возникла она в результате механического соединения

son, I can restrain from estimation or interpretation of his scholarly input and his research method. I'd like to mention, however, that I rather share Nikolay Girenko's vision, although I agree in many points with Vladimir Arseniev's emotional appreciation of the Teacher. It is evident to me that Misiugin's method, which I would name "method of historical introspection", and in its other aspects, "experimental ethnohistory", can hardly be reproduced by anybody else without running a serious risk to lapsing into a "cargo cult science".

Viacheslav Misiugin was primarily a scholar of oral genre. His influence spread primarily through lectures and informal discussions, rather than publications. However, it would be wrong to think that it is limited to the circle of his immediate disciples. Although his articles were published in small print-runs, and the print-run of the only Misiugin's book published until now, thanks to the energy of Vladimir Arseniev, was only 500 copies, his ideas acquired some popularity even outside the circle of Africanists (see, for instance, works of A. V. Koptev [1998] and I. N. Falaleeva [2003]).

The book brought to the attention of the reader is a very typical sample of a "late Misiugin". It represents a result of a mechanical junction of a couple of texts written by him at different periods of his life. Some of the topics covered in this book have already been considered in his earlier publications, mainly in the series of

нескольких текстов, написанных им в разное время; некоторые сюжеты уже рассматривались В.М. Мисюгиным в его публикациях, в основном в сборнике «Africana»¹. В этой книге Мисюгин предстает во многом таким, каким он был в жизни: колючим, непричесанным... Он очень не жаловал редакторов научных издательств (хотя в конце концов после долгого ворчания и принимал их правку), считая, что они втискивают свободный полет его мысли в прокрустово ложе академических условностей. При жизни автора «Три брата» никакой редакционной подготовке не подверглись; иначе говоря, мы имеем перед собой авторскую редакцию². На мой взгляд, этот опыт показывает, что редакторы издательства «Наука» работали все же на пользу, а не во вред мисюгинским текстам. Как бы то ни было, сейчас, через десять лет после смерти В.М. Мисюгина (последовавшей 29 сентября 1998 г.), вносить какие-либо существенные изменения в текст и структуру книги было бы неэтично и неправильно, несмотря на многочисленные повторы, недоговоренности, явные композиционные неудачи и даже неточности

“Africana”.¹ We can say that in this book, Viacheslav Misiugin appears the way he was in his life, spiny, unyielding and a little bit shaggy. He disliked technical editors of the academic publishing houses (even though, after some grumbling, he used to accept their corrections) for their attempts to cram his ideas into the Procrustean bed of academic conventions. During the lifetime of the author, “Three Brothers” did not undergo any editing; in other words, what we have here is the author’s editing.² To my mind, this experience shows that the editors of “Nauka” Publishing House did more good than harm to Misiugin’s texts. Anyway, today, more than ten years after Viacheslav Misiugin’s death (September 29, 1998), it would be wrong and unethical to introduce any essential modification to the text or to the structure of the book, whatever may be repetitions, compositional failures or even inexactitudes when dealing with historical facts.³

¹ Cf. the list of publications of Viacheslav Misiugin at the end of this book.

² My corrections have been minimal: some punctuation and splitting of the text into paragraphs; correction of grammatical case endings, etc.

³ In this respect, I would like to remind the reader that Viacheslav Misiugin worked in a pre-computer and a pre-Internet age. Today, an Internet user needs a maximum of five minutes to get precise information, concerning e.g. lifetime or some biographical facts of an English king. For Misiugin it was a question of an entire day or even a week: he had to come from Martyshkino to the University, to order the book in the library; to come again to the University to receive the book — or a notification that the book is not available, etc. It seems that in some instances he might have adduced facts from

¹ См. список публикаций В. М. Мисюгина в конце книги.

² Лишь самая минимальная правка была внесена мною: знаки препинания, иногда — разбиение текста на абзацы, исправление орфографических ошибок или падежных согласований...

в изложении исторических фактов¹. Надеюсь все же, что даже читатель, впервые встретившийся с творчеством Вячеслава Михайловича, сможет увидеть за всеми этими очевидными недостатками глубину и оригинальность его мысли.

Коптев А.В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 27–52.

Фалалеева И.Н. Формирование нормативной основы политической системы Древней Руси в IX–XI вв. // Новая правовая мысль. 2003. № 2 (3). С. 41–48.

Чернецов С.Б. Памяти Николая Михайловича Гиренко // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 375–381.

¹ В этой связи хотелось бы лишь напомнить читателю, что В. М. Мисюгин творил в докомпьютерный и доинтернетовский век. Если сейчас, например, уточнение годов жизни или фактов биографии какого-нибудь английского короля занимает у пользователя всемирной сети пять минут, Мисюгину для этого мог потребоваться целый день, а то и неделя (поездка из Маргитшкена в Университет, заказ книги в библиотеке; еще одна поездка в Университет, получение книги — или уведомления о том, что книга на руках или утеряна... и т.д.). Поэтому иногда В. М. Мисюгин мог приводить какие-то факты по памяти, а в других случаях источником сведений могла служить художественная литература — что, конечно, по нынешним меркам, вряд ли может считаться приемлемым.

Anyway, I hope that the reader for whom this book would be his or her first acquaintance with Viacheslav Misiugin's writings, will perceive, behind the evident shortcomings, the depth and the originality of his ideas.

Коптев А.В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 27–52. [Koptev, A.V. The mechanism of transfer of the king's power in the archaic Rome // Vestnik drevnej istorii. 1998. N 3. P. 27–52.]

Фалалеева И.Н. Формирование нормативной основы политической системы Древней Руси в IX–XI вв. // Новая правовая мысль. 2003. № 2 (3). С. 41–48. [Falaleeva, I.N. Establishment of the normative basis of the political system of the Ancient Russia in 9–11 centuries // Novaja pravovaja mysl. 2003. N 2 (3). P. 41–48.]

Чернецов С.Б. Памяти Николая Михайловича Гиренко // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 375–381. [Chernetsov S.B. In memoria Nikolay Girenko // Forum for Anthropology and Culture. 2004. N 1. P. 375–381.]

memory, and in some other cases, his source may have been fiction, which would be considered today as unacceptable.